

Таня сидела на крылечке — смотрела, как солнце тихонько опускается за озеро, покрытое льдом. Вдруг идёт школьный учитель, а впереди него бежит незнакомая собачка.

Откуда такая? Таня таких не видела. Ростом невеличка, на коротких ножках, уши до полу, хвост кульяпочкой. Сама вся белая, а на спине — чёрные пятна, и на одном глазу пятно, как заплатка.

Увидала Таню — марш-марш к ней на крылечко; села и лапку подаёт: здравствуй, мол!

Учитель подошёл, смеётся:

— Ишь ты, узнала хозяйку! Твоя ведь теперь эта собачка, Танюшка: я её из Ленинграда привёз от твоего дяди Пети. Собачка испанской породы. Вот и письмо к твоей матери. Мать вышла на крыльцо, поздоровалась с учителем и прочла.

«Дорогая сестра! — писал дядя Петя. — Посылаю тебе собачку, уж не гневись. Мне в городе её никак нельзя держать: в шестом этаже ведь живу, сам весь день на заводе — вывести погулять её некому. А собачка больно хорошая, учёная, очень породистая, ласковая. Твоей Ташке за товарища будет; вещи разные приносить обучена. А летом приеду — на охоту с ней ходить буду. Я охотником решил стать. Вот собачку себе охотничью достал, а к лету соберусь с деньгами — глядишь, и ружьишко себе куплю. А дичь — всю тебе».

— С какого конца ружьё держать, ещё не знает, — улыбнулась мать, — а уж дичь дарит, чудак человек! — Глянула на собачку и руками всплеснула: — Желанные мои! Экая уродка бесхвостая!..

Со всей деревни ребяташки сбежались — и ну хохотать:

— Латка! Латка! Заплата!

А соседские Колька и Толька тут же и дразнилку сложили: *Ташка, Ташка, простота,
У ней собачка без хвоста,
Ухи-то лопатой,
На глазу заплата!*
Таня очень обиделась за свою собачку.

Утром Таня ранёшенько вскочила — и в школу бежать. А одной баретки нет как нет, и куда её с вечера задевала — никак не вспомнит.

— Латка, Латочка! — кричит. — Ищи бареточку, понимаешь? Ищи!

Латка одно ухо подняла, другое опустила, сообразила что-то — и нырк под лавку!

— Поняла, поняла! — обрадовалась Таня. — Гляди, мама, сейчас притащит мне Латка бареточку!

И верно: тащит Латка из-под лавки... что это? Да старое голенище!

— Ай, дурашка! — рассердилась Таня. — Баретку, баретку, я тебе сказала, а не голенище!

Понимаешь? Ба-рет-ку! Ищи, ищи!

Латка виль-виль-виль хвостом-культяпочкой — да в дверь! Минуты не прошло — тащит из чулана... дохлого крысёнка. И подаёт Тане в руки.

— Фу, гадость! — чуть не плачет Таня. — В крысёнка, что ли, я ногу обувать буду? Бессовестная какая!

А мать, говорит:

— Зачем напрасно бранишь собачку! Откуда ей знать, что это такое «баретка»? В городе такого слова и не слышали. Ты покажи ей другую свою бареточку, дай хорошенько понюхать её — вот она и поймёт. Собаки всё больше носом понимают.

Таня дала понюхать свою баретку Латке, та и поняла: нырк под кровать — и тащит Танин полуботинок.

— Вот умница! — обрадовалась Таня. Быстренько обулась и побежала в школу.

Пришла весна. Лёд на озере стаял — и засияла вода, синяя-синяя!

В первый раз побежала Таня со своей Латкой на берег.

Собачонка с разбегу — бух в воду!

Таня кричит:

— Сумасшедшая, куда ты! Вода ледяная — воспаление лёгких получишь!

Куда там! Резвится себе в воде, плавает.

Подшли соседские мальчишки Коля и Толя. Коля наклонился, поднял камень со свой кулак и кричит:

— На, Латка, на! Размахнулся да как швырнёт камень в озеро!

Камень — бульк! — и пошли круги по воде.

А Латка — нырк! — и скрылась из глаз.

Таня так и ахнула:

— Утонула моя собачка!

А Латка и не думала тонуть: достала камень со дна, вынырнула, фыркает, плывёт. Вылезла на берег и подаёт Тане добычу, а у самой весь рот в крови: разорвала об острый камень.

Мальчишки смеются:

— Ай, собачонка — нырок, настоящий водолазик!

Таня очень рассердилась на мальчишек и поскорей увела Латку домой.

В конце лета приехал дядя Петя — в отпуск.

— Ну как, — спрашивает, — собачка испанской породы? Понравилась?

— Очень хорошая собачка! — отвечают мать и Таня в один голос. — Прямо умница собачка!

— Вот и чудно! Завтра пойдём с ней на охоту, на озеро. С этой породой как раз на уток охота. Я себе и двустволку купил.

Рано утром пришёл учитель, и дядя Петя собрался с ним на охоту. И Таню с собой позвали — дичь помогать нести.

Идут по берегу озера. Латка впереди бежит, за ней дядя Петя с двустволкой шагает, за ним учитель с одностволкой, позади всех — Таня.

Вдруг — шырр! — вылетает из камышей утка.

Дядя Петя — бах! бах! — из своей двустволки, учитель — ббах! — из своей одностволки. А утка летит себе — и скрылась за лесом.

Дядя Петя проводил её глазами, почесал в затылке и говорит: — Это чирёнок. Больно маленькая утка. И мчится как сумасшедшая. В такую попасть невозможно.

А Латка сразу после выстрелов бросилась в камыши, поплавала там, поплавала — видит, что там убитой утки нет, и вернулась к охотникам.

Зарядили ружья. Пошли дальше. Теперь учитель впереди.

Вылетает из камышей большая утка — кряква.

Учитель — ббах! Дядя Петя — бах! бах!

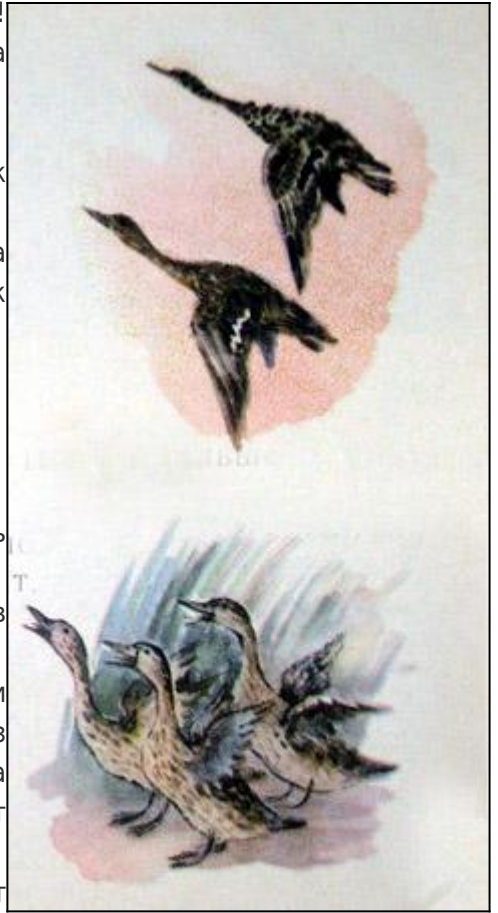
Утка только ходу наддала и скрылась из глаз.

— Кхм! Кхм! — откашлялся учитель. — Верно, помирать полетела...

Дядя Петя промолчал, а Латка на этот раз даже не полезла в воду. Зарядили ружья. Пошли дальше.

Но сколько ни вылетало из камышей уток, сколько ни бабахали учитель и дядя Петя, птицы улетали целёхоньки. И каждый раз охотники находили причину, почему дичь не падает. А Таня шла за ними и улыбалась: радовалась, что утки спасались от выстрелов, живы и здоровы.

Наконец охотники устали и присели отдохнуть. Таня отошла от

них в сторону, выбрала

местечко, где камыши отошли от берега, и стала купаться. А Латка плавала с ней, плавала и заплыла в камыши.

Только вылезла Таня из воды, оделась — плывёт из камышей Латка и держит в зубах... утку. Вылезла и подаёт Тане в руки. Таня смотрит: утка живёхонька! Сама хоть большая, а крылья ещё не отросли, летать не может. Шлёпунцами таких зовут, потому что они как кинутся удирать, так крыльями по воде — шлёп-шлёп-шлёп! — а подняться в воздух — никак! Вот Латка в камышах его и поймала.

Таня крикнула дядю Петю. А Латка уж второго шлёпунца тащит.

Пока охотники «ох!» да «ах!»—шесть утят перетаскала, целый выводок!

— Ох, и пристыдила нас собачонка! — говорит дядя Петя. — Стреляли мы, стреляли — ни одной утки на обед не взяли. А Латка сплавала — полдюжины обедов принесла. Да без выстрела. Вот это так добытчик!

Таня спрашивает:

— Какие-такие «обеда»? Не дам шлёпунцов убивать! Мои шлё-пунцы: мне их Латка принесла. Пускай все у меня и живут!

Охотники видят — делать нечего. Таня права: её утки. Покладили всех живыми в мешок, потащили домой. Ох, и смеху было над охотниками в деревне! «Ваша дробь, — говорят, — только живит дичь!»

Ну да охотнички и сами над собой посмеялись с другими.

— Сами видим — не годимся в стрелки. Мы и ружья решили продать. Пускай Латка одна за нас на охоту ходит: у неё это лучше получается.

А Таня так всех шестерых утят и выкормила.

Осенью, когда дикие утки собрались в отлёт, им подрезали отросшие крылья — и они остались зимовать в курятнике. Таня их вволю кормила, и они очень привязались к доброй девочке. Услышат её голос издали и — квяк! квяк! квяк! — ковыляют к ней навстречу все шестеро, одна за другой — гуськом.

Школьники готовились к празднику Седьмое ноября, украшали зелёными ветвями свои классы. И задержались в школе до поздних сумерек.

Кто близко живёт — тем ничего. А Тане с соседскими Колей и Толей, второклассниками, три километра домой идти — да лесом, да полями. А в лесу дорога чёрная-чёрная — размыло дождями.

Мальчики говорят:

— Мы лучше не пойдём — подождём, пока лошадь пришлют. Дороги нисколько не видать. Боязно идти.

Ну, а Таня — та смелая! Когда с ней Латка — ничего не боится. А Латка от Тани никуда, и в школу вместе ходят; пока Таня в классе, Латка во дворе играет.

Таня и говорит мальчикам:

— Эх вы, трусишки! Да ведь моя Латка впереди нас побежит, нам дорогу указывать будет. Уж не собьётся с пути: она дорогу носом видит.

Уговорила мальчишек.

Вошли они в лес — совсем темно, дороги в потёмках не видно. А Латка впереди бежит — Латку ребятам видно: мелькает впереди белая Латкина спина. Белое на чёрном даже в потёмках видно.

Шли так ребята, шли — ночью дорога куда дольше кажется — шлёпали, шлёпали. . И вдруг повалил снег! Первый в году снег, а густой-густой, крупными хлопьями — всё кругом закрыл.

И Латка вдруг затявкала, затявкала и умчалась куда-то прочь. Верно, заяц на дорогу вышел — зайца погнала.

Прошли ребята немного вперёд, чувствуют — под ногами у них неупотанная земля. Ещё маленько прошли — на кусты стали натекаться, на деревья... Дорога совсем куда-то потерялась.

Пошли ребята назад — как, им казалось, только что шли. Нет дороги. Взяли вправо — нет дороги, чаща. Повернули налево, шли, шли — лес будто реже, верхушки деревьев стали видны, а дороги

всё равно нет.

Остановились ребята: поняли, что заблудились. .

Мальчишки посопели-посопели — и в рёв!

Тане хуже всех: ведь это она уговорила маленьких Колю и Толю не дожидаться лошади, самим домой идти. Теперь и поедут за ними — не найдут в лесу, раз уж с дороги сбились. И Тане одной отвечать.

Таня усадила мальчиков под шатёр большой ели; даже в темноте разобрала, что это ель: здорово колется.

А Коля и Толя в голос режут, причитают:

— Пропали наши головушки! Мы на холоду замёрзнем, нас волки-медведи съедят!..

— Цыц, вы! — Таня на них. — Никаких тут волков-медведей сто лет нет — всех повывели.

А самой как раз и вспомнилось: вчера только мать рассказывала, что объявился в лесу за озером медведь. Тёлку задрал. Долго ли ему сюда перебежать?.. И ух как страшно самой стало! Хотела ещё Латку крикнуть — голос перехватило: а ну как вместо Латки да медведь услышит!..

Мальчишки замолчали, только всхлипывают. Слышно в тишине: мягко так падают холодные пушинки на землю, на ветки. Чуть шебуршит в лесу.

И вдруг послышалось Тане — шум какой-то издали! Ближе, ближе... Будто баба-яга — костяная нога идёт по дороге, клюкой постукивает.

Ближе, ближе... Цок-цук! Цок-цук! Цок!..

Мальчишки всхлипывают, ничего не слышат. А у Тани прямо сердце зашло от страха. Хоть бы Латку сюда: она бы носом разобрала, что там... Между тем в деревне уже хватились Тани и мальчиков: уж ночь, снег повалил, а ребят все нет из школы.

Колхозники живо запрягли лошадь, и Танина мать погнала в школу: думала, ребята еще там.

Въехала в лес. Стучат лошадиные подковы по мёрзлой земле, дорога снегом покрыта — видна в

темноте.

Доехала быстро. Но школа оказалась закрытой, а сторожиха сказала, что Таня с обоими мальчиками ушла домой ещё в сумерки.

— Не иначе как с дороги сбились, в лесу плутают, — догадалась мать. — Замёрзнут малыши!

И погнала лошадь назад: живей народ собирать — да в лес!... Таня слушала, замерев от страха.

Но стук копыт бабы-яги — костяной ноги, приблизившись, вдруг стал отдаляться, отдаляться и затих вдали. Страх отпустил Таню.

И вдруг что-то холодное, мокрое ткнулось Тане в руки: собачий нос!

— Латка, Латочка! — прошептала Таня. — Собачушка моя!. И к Тане в один миг вернулась вся её смелость.

— А ну, ребяташки, побежали! — весело скомандовала она мальчикам. — Латка нас живо выведет!

И правда: они прошли совсем немножко по всё редевшему лесу — и вышли в поля. Тут было гораздо светлее. К тому же и снег перестал падать. На белом поле хорошо были видны чёрные «заплатки» на боках у бежавшей впереди Латки: чёрное на белом даже в потёмках видно.

Прямоком через поля и добежала Таня с мальчиками до своего дома. Утки услышали её из

куратника и громко закричали: «Квяк! квяк! квяк!» А из-за угла улицы раздалось вдруг: «Цок-цук! Цок-цук! Цок!» — будто баба-яга — костяная нога идёт, по мёрзлой земле клюкой постукивает.
— Тпру-у! — крикнула мать. — Никак, ты, Танюша?

— Я, я, и с мальчиками! Нас Латка довела!

Ну, как узнали про всё это ребяташки— сразу зауважали Латку, собачку испанской породы, коротконожку, уши до полу, хвост культияпочкой, сама белая, а по бокам и на глазу — чёрные пятна, как заплатки.

